

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2023.16.61.008

Миф и легитимизация: роль коллективного бессознательного в культуре XX века

Манасеев Дмитрий Дмитриевич

Аспирант,
Луганский государственный университет им. Владимира Даля,
91011, Российская Федерация, Луганск, ул. Оборонная, 2;
e-mail: manaseev@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматривается политическая мифология как необходимая составляющая политической культуры XX века. В статье рассматривается ее компенсаторная функция, способствующая спокойствию социума, защите от страхов, отрицательных эмоций. Благодаря политической мифологии происходит разделение политического сознания на элитарное и массовое. Подводя итоги, отметим, что в современности область применения политических мифов весьма большая. А особенностью их использования заключается в противоречивости и размытие граней социальной реальности. Это приводит к тому, что миф можно использовать как инструмент решения задачи, без учета обстоятельств. В XX веке ситуация обстоит иначе, особенно наглядно это видно в искусстве. В нем отчетливо просматривалась проблема соотношения категорий «должного» и «сущего». В связи с этим, идеологические и политические мотивы актуализировали многие социальные темы. Их применение весьма часто резонировало с художественным замыслом авторов, которым необходимо было пройти сквозь барьер цензуры. Таким образом, существовавшая напряженность между искусством и социальными институтами способствовала развитию художественного профессионализма. С помощью проведенной работы становится очевидным, что политическая мифология выступала в качестве необходимой составляющей политической культуры XX века.

Для цитирования в научных исследованиях

Манасеев Д.Д. Миф и легитимизация: роль коллективного бессознательного в культуре XX века // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 7А. С. 92-98. DOI: 10.34670/AR.2023.16.61.008

Ключевые слова

Архетип, диалектика, коллективное бессознательное, массовая культура, миф, символ, элитарная культура.

Введение

В XX веке политический миф стал одной из ключевых и неотъемлемых форм культуры. Мифологические составляющие обнаруживаются в изобразительном искусстве, архитектуре, кино, музыке, и даже в науке. Человек благодаря мифу возмещает недостающее, следовательно, создается психологический комфорт. Это становится возможным с тем, что мифология дополняет рациональную реальность иррациональной и бессознательным.

Вопросом изучения мифологии занимались зарубежные философы: Э.Кассирер, Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде, К. Мангейм, Б. Малиновский, Дж. Фрэнгер, К. Хьюбнер. Необходимо отметить отечественных исследователей мифа: И.Я. Баховен, Ф.И. Буслаев, А.Ф. Лосев, А.А. Потебня. Следует отдельно выделить мыслителей, которые занимались взаимосвязью психологии и мифологией. Глубокий анализ мифа в качестве эмоции произвел В. Вундт. Ученый полагал, что источниками мифотворчества выступало то, что создает у человека эмоционально-аффективные переживания. Здесь следует вспомнить, что писал А.Ф. Лосев о данном аспекте, рассуждая о природе мифа: «Миф не есть произведение или предмет чистой мысли. Чистая, абстрактная мысль меньше всего участвует в создании мифа. Уже Вундт хорошо показал, что в основе мифа лежит аффективный корень, так как он всегда есть выражение тех или других жизненных и насущных потребностей и стремлений. Чтобы создать миф, меньше всего надо употреблять интеллектуальные усилия» [Лосев, 2001, 38]. Однако философ не уделил внимание вопросу бессознательного в структуре психики. Детальный разбор данной темы был представлен у З. Фрейда, а далее доработан у создателя теории архетипов К.Г. Юнга.

Также необходимо отметить исследователей, занимающихся анализом познавательной функции мифологии: Е.В. Белогубова, А.В. Белозерова, Р.М. Кириллова, Н.В. Пробейголова, Е.А. Самарина, Н.С. Чернякова, М.П. Шумакова.

Изучением взаимосвязи сакрального и профанного в контексте взаимосвязи бессознательного и политической мифологии занимались В.И. Ильченко, В.М. Шелюто. Анализ научных публикаций продемонстрировал, что проблема политической мифологии достаточно проработана в политологическом ключе, однако остается множество открытых вопросов при рассмотрении заданной темы со стороны теории и истории культуры.

Цель работы заключается в анализе политической мифологии как формы проявления коллективного бессознательного в культуре XX века.

Основная часть

Чтобы разобраться в фундаментальных основаниях политического мифа прежде всего мы должны рассмотреть его точки соприкосновения с пространством культуры и обществом. Это весьма сложная, но очень интересная задача, ответ на которую может разъяснить множество аспектов.

Проведенный нами анализ становления политической мифологии продемонстрировал нам, что современные политические системы строятся преимущественно не на рациональных суждениях, а на чувственных. Это приводит к тому, что способность нравиться и доставлять эстетическое удовольствие являются одним из ключевых критериев политического выбора. В связи с этим процесс эстетизации политического пространства является крайне необходимым для существования уже устоявшихся политических систем, а также формирование новых. При этом культурно-политическая индустрия в попытках создать или же актуализировать некий политический проект оказывает большое воздействие на эстетическую и культурную области.

Зачастую обращение массового искусства к политике означает актуализацию данного направления. В большей мере мы можем наблюдать это в политико-идеологических проектах XX века. Взаимосвязь политического и эстетического в то время наиболее очевидна из-за подчиненности искусства государственной идеологии, но мы уже выяснили об ошибочности утверждения, что в другие временные промежутки этой взаимосвязи не существовало. Однако, также будет некорректно полагать, что искусство и культура полностью подчинены политической системе. Так несмотря на существующую в СССР цензуру мир увидел шедевры кино: *Волга-волга* (1938) Г.В. Александрова, *«Наваждение»* (1965), *«Бриллиантовая рука»* (1968) Л.И. Гайдая, *«Джентльмены удачи»* (1971) А.И. Серого, *«Солярис»* (1972) А.А. Тарковского. Конечно, в каждой из этих работ можно найти мифологический или идеологический подтекст, однако он является не основополагающим.

Рассматривая политическую мифологию XX века, необходимо отметить ее взаимосвязь с коллективным бессознательным, выраженном через архетипы. Можно выделить основные: «тень», «анима», «мудрый старец», «самость».

Если рассмотреть архетип «тень», то станет очевидным, что он выступает в качестве установки на самоопределение субъекта и личности, во многом данный архетип формирует отношение к истории культуры. К примеру, можно рассмотреть политическую мифологию СССР. Одним из проявления архетипа «тени» выступает история и культура Царской России. Так, во времена революции отношение к данному вопросу было радикальное. Его лучше всего можно описать словами из песни *«Русской Марсельезы»*: «Отречемся от старого мира, / Отряхнем его прах с наших ног! / Нам враждебны златые кумиры, / Ненавистен нам царский чертог» [Красный песенник, 1925, 4]. Таким образом наблюдается стремление разорвать «старую» и «новую» истории. Во многом данная мифологема выполняла идентификационную функцию. С ее помощью происходила дифференциация на «Мы» и «Они». Однако в зависимости от периода существования СССР менялось отношение к своей истории. От радикального, которое характеризовало царское время и классическую русскую культуру как нечто «инфернальное», к более умеренному взгляду, который в некоторых аспектах даже начал опираться на предшествующую историю. В данном контексте можно вспомнить двухсерийный фильм В.М. Петрова *«Петр Первый»* (1937-1938). В нем можно усмотреть некую аллегорию на Сталина. С помощью демонстрации сильной исторической личности повышалось самосознание народа. Петр Первый выступал не как злодей, тиран за плечами которого множество преступлений, а как героический правитель. Злодеи – это бояре и чиновники, именно на них висит груз вины за народные беды. При этом параллельно продолжала существовать и радикальная позиция отношения к истории. К примеру, можно вспомнить сложившуюся полемику вокруг произведений М.А. Булгакова, в частности *«Дни Турбиных»* или же *«Бег»*, в которой активно защитную позицию занимал И.В. Сталин. Помимо этого, можно упомянуть докладную записку заместителя начальника управления пропаганды и агитации ВКП (б) А.М. Еголина секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову о положении в литературе, датированной 3 августа 1945 года. А.М.Еголин писал: «Некоторые из советских писателей отошли от нашей идеологии, стали пересматривать советские взгляды на действительность, на общественные отношения» [Яковлев, 1999, 536]. Под его критику попало множество авторов, в частности и не безызвестный Н. Шпанов. Про него А.М. Еголин подметил: «Писатель Н. Шпанов в пьесе *«Медальон»* пытался идеализировать высшие круги офицерства царской армии, призывал советских командиров учиться долгу и чести у старых офицеров» [там же].

Следующий архетип «анима», определяется как организующее начало духовного бытия. Она воплощается в сознании как нечто неопределенное, двусмысленное, непоследовательное.

В архаической мифологии этот архетип можно сопоставить с различными магическими существами (фея, русалка, сирена). К.Г. Юнг исследуя взаимосвязь сознательного и бессознательного обнаружил множество проявлений данного архетипа. Он писал: «Подобно Мефистофелю, скрывающему свою суть в пуделе, анима является квинтэссенцией НЛЮ, и так же, как Мефистофель не представляет Фауста в целом, она, в свою очередь, является лишь частью целого, которое в неудобопонятной форме подразумевается под «глубоководной рыбой» [Юнг, 2003, 428]. Таким образом мифологема выступает реальностью в себе и для себя. В XX веке архетип «анима» находит свое место во взаимосвязи с выражением эмоциональной и вегетативной основы жизни народа в женской репрезентации. Если рассматривать советский плакат как способ трансляции политического мифа, то можно обнаружить, что, как правило, мужские фигуры изображались с героическими и мужественными чертами, женские часто выступали аллегорией матери и Родины. Если же мы рассмотрим изображение женских образов в немецкой культуре, то обнаружим, что миф о превосходстве немецкой нации диктовал представление о них как об безукоризненно сложенных, с гармоничными пропорциями фигурах, схожими с идеалами древней Греции. Часто мужские и женские персонажи изображались обнаженными. Мужские фигуры служили в качестве пропаганды физического совершенства. Они отображали мужество, стойкость духа, а также волю. Как правило, им чужды лишние эмоции, для них важны лишь защита их земли и фюрера. Следует отметить, что немцы, чтобы показать противоположность героических арийцев, например, изображая иудеев в мужских фигурах использовали женские округлые черты. Это должно было продемонстрировать, что только немцы могли обладать идеальными мужественными фигурами. Женские образы также изображались обнаженными. В первую очередь это делалось для того, чтобы продемонстрировать способность к фертильности, хоть и сохранялся определенный сексуальный подтекст. Скульптуры женщин выглядели беззащитными и открытыми, что было противоположностью мужским. Как правило, они символизировали победу или же материнство. Примером последнего можно считать работу «Пиета» (1937-1938 годы), которую выполнила скульптор К. Кольвиц. Это идеологически мощная скульптура, изображающая скорбящую мать, прижимающую мертвого сына. Еще одним ярким примером выражения архетипа «анима» является мифологическое представление о Москве, как сакральном центре СССР. К примеру, можно рассмотреть Дворец Советов – проект административного сооружения, согласно которому в центре Москвы, что является немаловажным, особенно если учитывать сакральный смысл «центра», должно было появиться здание для проведения сессий Верховного Совета СССР и массовых демонстраций. По задумке архитектора Б. Иофана, высота постройки должна была составить 418 метров, 100 из которых приходились бы на статую В.И. Ленина, расположенную на верхушке здания. Данное сооружение не только положило начало сталинскому ампиру, но должно было символизировать социалистическую победу и постройку нового типа общества. Как отмечал М. Элиаде: «Если акт Творения осуществляет переход от неявного к явному, или, говоря языком космологии, от Хаоса к Космосу, если Творение – при всей протяженности его объекта – начинается с некоего Центра, если, следовательно, все разнообразие бытия, от неодушевленного до живого, может начинать существовать лишь в высшей степени священном виде, – то нам становится совершенно ясными и символика священных городов («центров мира»), и геомантические теории, определяющие основание городов, и воззрения, оправдывающие ритуалы их строительства» [Элиаде, 2000, 35].

Архетип «мудрый старец» позиционируется с категорией «смысл». Однако сам «мудрый старец» находится в не времени и пространства, он обладает особой сакральностью. Рассматривая советское культурное пространство, нужно отметить, что создавалось множество

произведений искусства направленных на мифологизацию личности В.И. Ленина. В пример можно привести такие киноленты как «Три песни о Ленине» (1934) Д. Вертова, «Свет над Россией» (1947) С.И. Юткевича, «Товарищи потомки» (1968) Ю.Н. Белянкина. Можно также выделить картины У.М. Джапаридзе «В.И. Ленин и И.В. Сталин на апрельской конференции» (1941), П.В. Васильева «В.И. Ленин и И.В. Сталин за беседой» (1940), К.Ф. Юона «Первое появление В.И. Ленина на заседании Петросовета в Смольном 25 октября 1917 года» (1934). Во всех этих работах особое место отводится мифологическому образу В.И. Ленина и его взаимосвязи с другими. Мифологически может происходить последовательное линейное наследование власти и традиций, как в случае от В.И. Ленина к И.В. Сталину. Либо же могут пропускаться звенья цепи. В таком случае политический лидер был вынужден возвращаться к сакральному началу. В связи с тем, что миф о Ленине, а также миф о революции были тесно связаны, одно не мыслилось без другого. В связи с этим новый лидер был вынужден выстраивать свою программу на основании этого факта. Таким образом, следует отметить важную мысль, что если мифологические образы других руководителей советского государства могли быть подвержены критике и низвержению, то ленинский миф не терял своего сакрального значения. Его упадок и низвержение начало происходить только после распада СССР. При этом сейчас же мы можем наблюдать феномен «битых памятников» происходящий на Украине, смысл которого заключается в попытке полностью разрушить пространственную и временную связь с Россией, путем разрушения некогда сакральных памятников В.И. Ленину. В данном случае украинский «декоммунизационный пакет законов» является воплощением мифа, направленного на изменение пространственно-временного представления о действительности.

Архетип «самости» в политической мифологии выполняет идентификационную функцию. Любая мифологическая модель выстраивается вокруг некой «самости». Как правило, она раскрывается благодаря герою («мудрому старцу»). В зависимости от раскрытия «самости» происходит идентификация в пространстве и во времени. К примеру, временная ось советского политического мифа делилась на время до октябрьской революции 1917 года, а также закреплением у власти В.И. Ленина и всего, что будет после. Таким образом, сакральное значение придавалось будущему, а также непосредственно времени власти первого вождя. Настоящее время в советской идеологии было представлено как профанное, то есть как время, в котором живут и трудятся для достижения «светлого будущего». Согласно заданной мифологии, оно было тяжелым, но его необходимо превзойти, чтобы следующему поколению жилось лучше. Проанализировав пример советского мифа, мы вынуждены согласиться с М. Элиаде, который писал: «Священное Время по своей природе обратимо, в том смысле, что оно буквально является первичным мифическим Временем, преобразованным в настоящее» [там же, 283]. Этот принцип лежит в основе многих политических мифологий. Миф, таким образом, помимо исторического времени, создает свое, которое постоянно воспроизводится посредством ритуалов. Здесь следует, отметить важность эффекта художественно-политической символизации, которая выражается различными способами. К примеру, применения цвета для отображения «самости» социума. В статье «Политическая мифология цвета и функционирование цветообозначений в культуре» мы писали: «следует подчеркнуть, что применение цвета в политической мифологии может усиливать определенные сакральные конструируемые. К примеру, для того чтобы увеличить эффект советской мифологии активно применялся красный цвет» [Манасеев, 2023, 254]. Применение цвета способствует выполнению политической мифологией ее идентификационной функции, а также выражению архетипа «самость».

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в современности область применения политических мифов весьма большая. А особенностью их использования заключается в противоречивости и размытие граней социальной реальности. Это приводит к тому, что миф можно использовать как инструмент решения задачи, без учета обстоятельств. В XX веке ситуация обстоит иначе, особенно наглядно это видно в искусстве. В нем отчетливо просматривалась проблема соотношения категорий «должного» и «сущего». В связи с этим, идеологические и политические мотивы актуализировали многие социальные темы. Их применение весьма часто резонировало с художественным замыслом авторов, которым необходимо было пройти сквозь барьер цензуры. Таким образом, существовавшая напряженность между искусством и социальными институтами способствовала развитию художественного профессионализма. Однако будет не корректно все многообразие искусства сводить к данному феномену. Противоречие между «должным» и «сущим» несло не только напряжение, но и порождало светлые идеи, утверждающий идеал. С помощью проведенной работы становится очевидным, что политическая мифология выступала в качестве необходимой составляющей политической культуры XX века.

Библиография

1. Красный песенник. Сборник новых и старых революционных песен и стихов: рабочих, крестьянских, красноармейских, комсомольских, женских, песен старых революционеров и других. М.: Государственное издательство, 1925. 64 с.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
3. Манасеев Д.Д. Политическая мифология цвета и функционирование цветообозначений в культуре // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 1-2А. С. 252-258. DOI: 10.34670/AR.2023.89.59.038
4. Франц М.-Л. Феномены Тени и зла в волшебных сказках. М.: Класс, 2010. 360 с.
5. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
6. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Мн.: Харвест, 2003. 496 с.
7. Яковлев А.Н. (ред.) Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 гг. М., 1999. 872 с.
8. Mills J. The myth of the collective unconscious // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. – 2019. – Т. 55. – №. 1. – С. 40-53.
9. Sieff D. F. The death mother as nature's shadow: Infanticide, abandonment, and the collective unconscious // *Psychological Perspectives*. – 2019. – Т. 62. – №. 1. – С. 15-34.
10. Menzhulin V. Sigmund Freud and Carl Jung on Myths and Archetypes of the Collective Unconscious: Unnoticed Similarity // *Наукові записки НаУКМА. Філософія та релігієзнавство*. – 2021. – Т. 8. – С. 25-37.

Myth and legitimization: role of the collective unconscious in the culture of the twentieth century

Dmitrii D. Manaseev

Postgraduate,
Lugansk State University named after Vladimir Dal,
91011, 2, Oboronnaya str., Lugansk, Russian Federation;
e-mail: manaseev@inbox.ru

Abstract

The article considers political mythology as a necessary component of the political culture of the twentieth century. The article discusses its compensatory function, which contributes to the tranquility of society, protection from fears, negative emotions. Thanks to political mythology, there is a division of political consciousness into elite and mass. To summarize, we note that in modern times the scope of application of political myths is very large. And the peculiarity of their use is the inconsistency and blurring of the boundaries of social reality. This leads to the fact that myth can be used as a tool for solving a problem, without taking into account the circumstances. In the twentieth century, the situation was different, this is especially clearly visible in art. It clearly showed the problem of the relationship between the categories of “what must be” and “what actually is”. In this regard, ideological and political motives have actualized many social topics. Their use very often resonated with the artistic intentions of the authors who needed to pass through the censorship barrier. Thus, the existing tension between art and social institutions contributed to the development of artistic professionalism. With the help of the work carried out, it becomes obvious that political mythology acted as a necessary component of the political culture of the twentieth century.

For citation

Manaseev D.D. (2023) Mif i legitimizatsiya: rol' kollektivnogo bessoznatel'nogo v kul'ture XX veka [Myth and legitimization: role of the collective unconscious in the culture of the twentieth century]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (7A), pp. 92-98. DOI: 10.34670/AR.2023.16.61.008

Keywords

Archetype, dialectic, collective unconscious, mass culture, myth, symbol, elite culture.

References

1. Eliade M. (2000) *Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvoly; Svyashchennoe i mirskoe* [Selected works: The myth of the eternal return; Images and symbols; Sacred and profane]. Moscow: Ladomir Publ.
2. Franz M.-L. (2010) *Fenomeny Teni i zla v volshebnykh skazkakh* [The Phenomena of Shadow and Evil in Fairy Tales]. Moscow: Klass Publ.
3. Jung K.G. (2003) *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memories, Dreams, Reflections]. Minsk: Kharvest Publ.
4. (1925) *Krasnyi pesennik. Sbornik novykh i starykh revolyutsionnykh pesen i stikhov: rabochikh, krest'yanskikh, krasnoarmeiskikh, komsomol'skikh, zhenskikh, pesen starykh revolyutsionerov i drugikh* [Red songbook. A collection of new and old revolutionary songs and poems: workers, peasants, Red Army, Komsomol, women's, songs of old revolutionaries and others]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ.
5. Losev A.F. (2001) *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow: Mysl' Publ.
6. Manaseev D.D. (2023) Politicheskaya mifologiya tsveta i funktsionirovanie tsvetooboznachenii v kul'ture [Political mythology of color and the functioning of color designations in culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 13 (1A-2A), pp. 252-258. DOI: 10.34670/AR.2023.89.59.038
7. Yakovlev A.N. (ed.) (1999) *Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike. 1917-1953 gg.* [Power and the artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP (b) – the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the Cheka – the OGPU – the NKVD on cultural policy. 1917-1953]. Moscow.
8. Mills, J. (2019). The myth of the collective unconscious. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 55(1), 40-53.
9. Sieff, D. F. (2019). The death mother as nature's shadow: Infanticide, abandonment, and the collective unconscious. *Psychological Perspectives*, 62(1), 15-34.
10. Menzhulin, V. (2021). Sigmund Freud and Carl Jung on Myths and Archetypes of the Collective Unconscious: Unnoticed Similarity. *Наукові записки НаУКМА. Філософія та релігієзнавство*, 8, 25-37.